

АРХИТЕКТУРНЫЙ ЗАМЫСЕЛ КОЛОКОЛЬНИ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ И НЕМЕЦКАЯ БАРОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ. К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ПРОЕКТА И.Я.ШУМАХЕРА

УДК 72.034.7(=112.2)(470.311-21Сергиев Посад)
ББК 85.113(2-2Сергиев Посад)

С.В. Клименко

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Е.Ю. Станюкович-Денисова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Статья¹ посвящена анализу архитектурного замысла одного из самых известных сооружений эпохи барокко в России колокольни Троице-Сергиевой лавры. Предпринята попытка при изучении этого хрестоматийного сооружения отойти от оценочных суждений в отношении роли архитекторов, причастных к созданию этого памятника и «реабилитировать» автора первоначального проекта И.Я. Шумахера, реконструировать логику его суждений в выборе места строительства колокольни и в ее композиции. Проект И.Я. Шумахера, рассматриваемый на основе графической реконструкции, анализируется с точки зрения его школы, связанной с архитектурой северонемецкого барокко XVII—первой трети XVIII в. В качестве возможных прототипов привлекаются колокольни ряда протестантских церквей Пруссии, в основном Берлина, и некоторых другие высотные сооружения, возможно, оказавшие влияние на замысел И.Я. Шумахера.²

Ключевые слова: колокольня Троице-Сергиевой лавры, архитектура барокко, Иоганн Якоб Шумахер, немецкие протестантские церкви

THE ARCHITECTURAL DESIGN OF THE BELL TOWER OF THE TRINITY LAVRA OF ST. SERGIUS AND GERMAN BAROQUE TRADITION. TO THE INTERPRETATION OF THE ORIGINAL DRAFT OF JOHANN JAKOB SCHUMACHER

S. Klimenko

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

E. Stanyukovich-Denisova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract

The article analyzes the architectural design of one of the most famous buildings of the Baroque period in Russia - the bell tower of the Trinity-Sergius Lavra. The authors made an attempt to move away from value judgments when studying the role of architects involved in the

¹ Публикация подготовлена в рамках исследования, проводимого по гранту РФФИ (Научно-исследовательский проект № 15-04-00349а «От макета до виртуальной модели. Научные реконструкции в Истории архитектуры с учетом новейших технологий (на примере «классических» памятников архитектуры)».

² **Для цитирования:** Клименко С.В. Архитектурный замысел колокольни Троице-Сергиевой Лавры и немецкая барочная традиция. К интерпретации первоначального проекта И.Я. Шумахера / С.В. Клименко, Е.Ю. Станюкович-Денисова // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2017. – №4(41). – С. 144-162 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/11_klimenko_stanyukovich/index.php

construction, and to «rehabilitate» Johann Jakob Schumacher, the author of the original draft, and to reconstruct his logic in choosing the place and the composition of the bell tower. The Schumacher's project, considered on the basis of graphic reconstruction of the bell tower, is analyzed from the point of view of his school, associated with the Northern German Baroque architecture of the 17th - first third 18th century. As a possible prototype of the belfry of the author draws a number of Protestant churches of Prussia, mostly Berlin, and some other high-rise buildings that could influence the Schumacher's plan.³

Keywords: the Trinity-Sergius Lavra bell tower, Baroque architecture, Johann Jakob Schumacher, German protestant churches

Колокольня Троице-Сергиевой лавры хрестоматийный памятник середины XVIII столетия, без упоминания которого не обходится, пожалуй, ни одно исследование об архитектуре барокко в России. И.Э. Грабарь даже характеризовал его как «одно из самых пленительных созданий русского зодчества, далеко превосходящее по совершенству растреллиевскую колокольню Смольного монастыря» [8]. Постоянное обращение исследователей к этому известнейшему памятнику барокко не случайно. История проектирования и строительства колокольни показательна для московской архитектуры середины XVIII века, демонстрирующей способность к ассимиляции внешних влияний, и связана с творческим сотрудничеством нескольких мастеров. В том числе и через историю создания этого произведения раскрываются механизмы формирования стиля барокко в России (рис. 1).

Сложная история создания этого памятника долгое время являлась главным предметом его изучения; сегодня благодаря исследованиям многих авторов, прежде всего, И.Э. Грабаря, А.И. Михайлова, В.П. Зубова, Г.И. Вздорнова, В.И. Балдина, мы имеем более или менее полную картину проектирования и строительства колокольни⁴. При этом попытки выйти за рамки ее изучения преимущественно в контексте истории строительства немногочисленны. Опыт рассмотрения ее в более широком контексте, как памятника барочной культуры, демонстрирующего идею триумфа, представлен, например, в статье О.А. Медведковой, но ее публикация скорее является исключением [17].

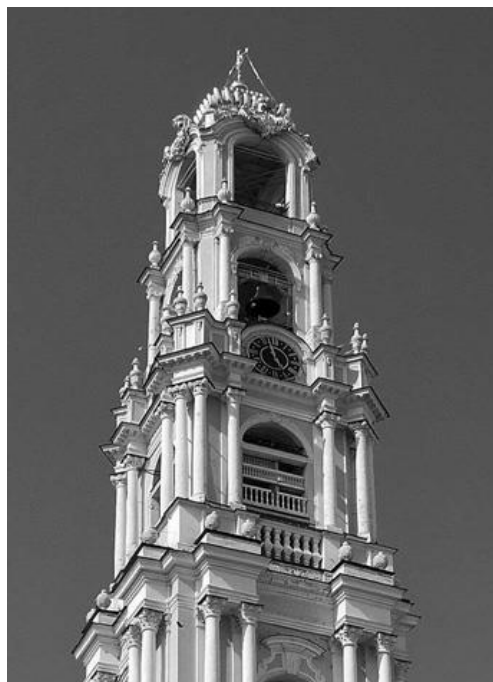
Несмотря на уже имеющийся корпус исследований, до сих пор сохраняет актуальность проблема интерпретации стилистических особенностей колокольни. И актуальность такого исследования продиктована тем обстоятельством, что до сих пор существуют противоречивые характеристики сооружения с этой точки зрения. В связи с этим проблема имеет, пожалуй, два аспекта. Первый касается роли в формировании облика сооружения каждого из участвовавших в его создании архитекторов. Второй, естественным образом связанный с предыдущим, генезис стиля постройки, анализ которого представляет сегодня самую существенную лакуну в ее изучении. Точнее, такую насущную необходимость представляет интерпретация архитектурных особенностей сооружения в первоначальном проекте И.Я. Шумахера. А творчество этого архитектора до сих пор мало изучено, что также не может не являться препятствием для интерпретации архитектурных форм одного из главных его произведений колокольни Троице-Сергиева монастыря.

³ **For citation:** Klimenko S., Stanyukovich-Denisova E. The Architectural Design of the Bell Tower of the Trinity Lavra of St. Sergius and German Baroque Tradition. To the Interpretation of the Original Draft of Johann Jakob Schumacher. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2017, no. 4(41), pp. 144-162. Available at: http://marhi.ru/eng/AMIT/2017/4kvart17/11_klimenko_stanyukovich/index.php

⁴ Особенно много публикаций по истории лаврской колокольни появилось в 1940 – 1950-х годах в связи с активным изучением творчества Д.В.Ухтомского: [1; 2; 8; 10; 18, с.67–77; 16; 19].

а)

б)

Рис. 1. Колокольня Троице-Сергиевой лавры: а) общий вид; б) верхние ярусы колокольни

История проектирования и строительства

В изучении строительной истории сооружения, растянувшейся более чем на четверть века, сегодня в подавляющем числе публикаций центральная роль в создании колокольни отводится либо И.Ф. Мичурину, начавшему постройку на основании проекта, разработанного в Петербурге И.Я. Шумахером, либо Д.В. Ухтомскому, который внес изменения и завершил строительство. Сохранившиеся документы достаточно подробно изучены и опубликованы, поэтому акцентируем внимание лишь на ключевых этапах истории проектирования и строительства памятника.

В 1738 году из Петербурга прибыл указ о разборке старой колокольни Троице-Сергиева монастыря (лавра с 1744 г.), в котором, в том числе, содержалось требование «со всего монастыря и с церкви и какова та колокольня была снять план и тот план прислать в кабинет ЕИВ которого по осмотрении о строении новой колокольни определение учинится»⁵. Вскоре в монастырь был направлен архитектор И.Ф. Мичурин вместе с геодезистом и двумя учениками. Он составил план монастыря и сделал рисунки колокольни XVII века, разобранной в том же 1738 году. В 1740 году из столицы был прислан выполненный архитектором И.Я. Шумахером проект новой колокольни, и было указано: «к тому строению определить обретающегося в Москве архитектора Мичюринна и оному приказать, чтоб он в строении той колокольни в потребном случае сношение имел с помянутым архитектором Шумахером»⁶.

Неизвестно, приезжал ли И.Я. Шумахер в монастырь, разрабатывая свой проект. Надо полагать, он пользовался фиксационными чертежами И.Ф. Мичуринна 1738 года. На присланном из Москвы плане монастыря Шумахер назначил место для постройки новой колокольни по оси западного фасада Успенского собора, в центре площади. После того как направленные из Петербурга чертежи были рассмотрены настоятелем монастыря архимандритом Амвросием и И.Ф. Мичуринным, возникло сомнение в правильности

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.248. Кн.1146. Л.495.

⁶ Там же. Л.665.

выбора места будущей постройки. В связи с этим в 1740 году помощником И.Ф. Мичурина С. Яковлевым был выполнен новый чертеж с предложением по изменению места будущей постройки, приложенный к донесению архитектора С.А. Салтыкову (рис. 2). Мичурин предложил возвести колокольню к северу от площади, оставив ее свободной, обосновывая свое предложение недостатком, по его мнению, расположения колокольни по проекту Шумахера: «... когда она калаколня на показанном назначенном месте построена будет, то она от такова малова разстояния места народом видна много быть не может, также и народу для собрания свободной площади имется не будет, и она калаколня ныне имеющимся в том монастыре строением защититца весма много (т.е. будет закрыта от взора – авт.)»⁷.

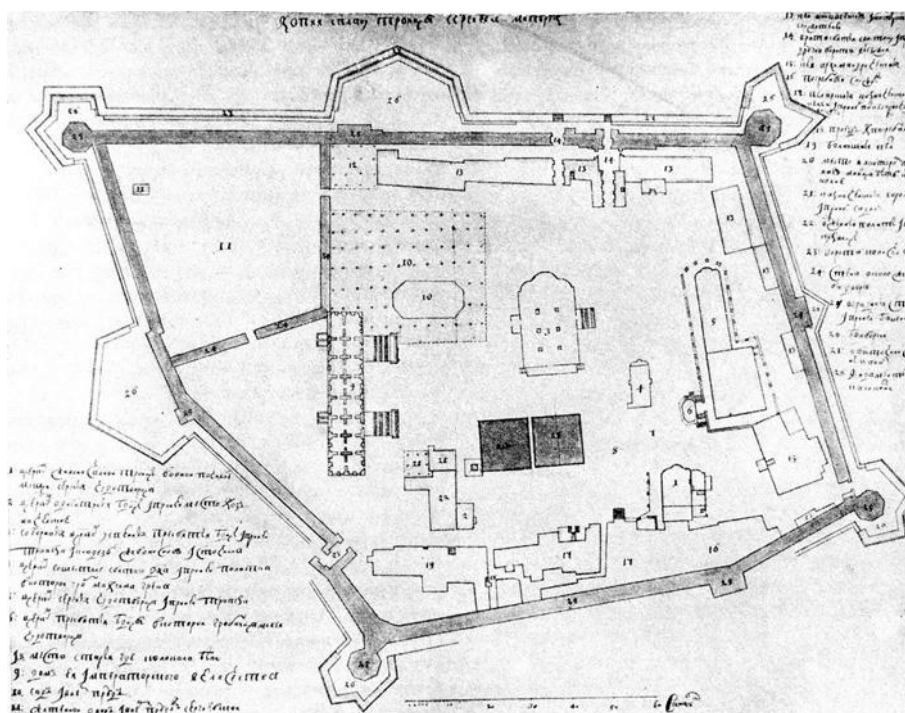

Рис. 2. План Троице-Сергиева монастыря с показом мест расположения проектируемой колокольни

Хотя И.Ф. Мичурин в документе и объяснял, что он предложил новое место для колокольни исключительно по требованию настоятеля лавры, но, вероятно, что это не совсем так. Еще А.И. Михайлов предположил, что инициатива исходила именно от архитектора. В таком случае роль Мичурина в корректировке проекта оказывается весьма значительной, и ценность сделанного им предложения состоит, прежде всего, в организации площади внутри монастыря, образованной окружавшими ее зданиями – Успенским и Троицким соборами, Духовской церковью и новой колокольней.

Такая планировка, когда «высокие здания требуют свободных при себе площадей», позволяет связать идею И.Ф. Мичурина с конкретными примерами, которые он, вероятно, имел в виду, предлагая изменить место колокольни, намеченное И.Я. Шумахером. Близкой в данном случае оказывается, например, композиция Соборной площади Московского Кремля. Но не менее существенную роль сыграло, скорее всего, знакомство архитектора с европейским градостроительством в период его учебы в Нидерландах.

⁷ Свое предложение о перемене места постройки И.Ф. Мичурин обосновывал следующим образом: «все таковые высокие здания требуют свободных при себе площадей и далних от глаз дистанцей или разстояней, и когда на показанном месте она калаколня построена быть может, то означенная народом весма виднее будет» (РГАДА. Ф.248. Кн.1146. Л.669–670). Цитируется по: [18, с. 133–134].

Перенос места будущей постройки был поддержан С.А. Салтыковым, отметившим в своем донесении в Петербург, что «показанное в прежнем плане под ту колокольню место неспособно»⁸. Но в августе 1740 года из Кабинета последовал ответ, в котором указывалось, что местоположение колокольни утверждено императрицей и «для того ту колокольню строить изволите приказать на том месте, где оной быть повелено»⁹. Однако после смерти императрицы Анны Иоанновны С.А. Салтыков в мае 1741 года обратился с повторной просьбой в Петербург (к правительнице Анне Леопольдовне), и оттуда последовал ответ: «оную колокольню строить на том новом месте, о котором власти того монастыря просили, а именно где был келарский приказ»¹⁰.

В дальнейшем большинством авторов первоначально выбранное Шумахером местоположение здания априори стало рассматриваться как неудачное, или, в лучшем случае, логика рассуждений архитектора при этом не анализировалась. Между тем, постановка Шумахером колокольни по оси Троицкого собора, видимо, была вызвана стремлением объединить новое здание с существующим в единый комплекс, чем и была определена общая высота колокольни и соотношение ярусов в ней, которые повторяют логику соотношения частей в соборе. Кроме этого, никогда не брался в расчет тот факт, что вблизи собора находились покои, предназначавшиеся для императрицы. Между ними и храмом существовало пространство, достаточно регулярное, в каком-то смысле площадь, которую, возможно, Шумахер считал невозможным занимать будущим сооружением. В любом случае, утверждение о том, что он не понимал особенностей композиции монастырского комплекса и поэтому выбрал неудачное место для постройки, вряд ли может иметь столь категоричный характер.

И.Ф. Мичурин начал строительство по присланному из Петербурга проекту, но на новом месте, и вел его до своего отъезда в Киев в 1747 году. С 1743 года помощником архитектора в этой работе был его ученик И.И. Жуков. После перевода Мичурина он был направлен в команду архитектора Д.В. Ухтомского, продолжая наблюдать за постройкой колокольни. Д.В. Ухтомский, в подчинении которого оказался И.И. Жуков, и сам оказался естественным образом причастным к этой работе. В 1753 году, воспользовавшись пребыванием Елизаветы Петровны в лавре, он предложил проект надстройки колокольни еще двумя ярусами, называемый в документах «*некоторым прибавлением*».

Относительно трактовки этой фразы в середине XX века возникла полемика [18]. И.Э. Грабарь даже высказал мнение о том, что колокольню уже при закладке предполагали строить пятиярусной (поэтому и было предусмотрено, как полагал исследователь, мощное двухъярусное основание столпа колокольни), а «*прибавление*» Д.В. Ухтомского – это не что иное, как лишь ее завершение – декоративная корона [8]. Точку в этих спорах поставила публикация Г.И. Вздорнова, обнаружившего в документах «Учрежденного собора» лавры, хранящихся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, прямые указания на тот факт, что под «*некоторым прибавлением*» подразумевалась именно надстройка двумя ярусами [6].

Проект Ухтомского в том же 1753 году был утвержден императрицей. К этому времени без всяких отступлений от первоначального проекта уже были достроены все три яруса и подведены под купол, который еще не был начат [6, с.128]. Дальнейшие работы продолжались под наблюдением Ухтомского. В течение двух лет были надстроены венчающие пятый и шестой ярусы, в последующие годы (до 1770 г.) возведен купол, выложены четыре наружные лестницы, предусмотренные в первоначальном проекте, выполнены штукатурные, резные и лепные работы. В 1768 году по указу Екатерины II колокольня была выкрашена в цвет «наподобие камня светлосероватого», хотя в проекте 1740 года предусматривалась ее окраска в зеленый цвет; в дальнейшем фасады еще не раз меняли свой цвет [6, с.130-134] (рис. 3).

⁸ РГАДА. Ф.248. Кн.1146. Л.667.

⁹ Там же. Л.673 – 674.

¹⁰ Там же. Л.675.

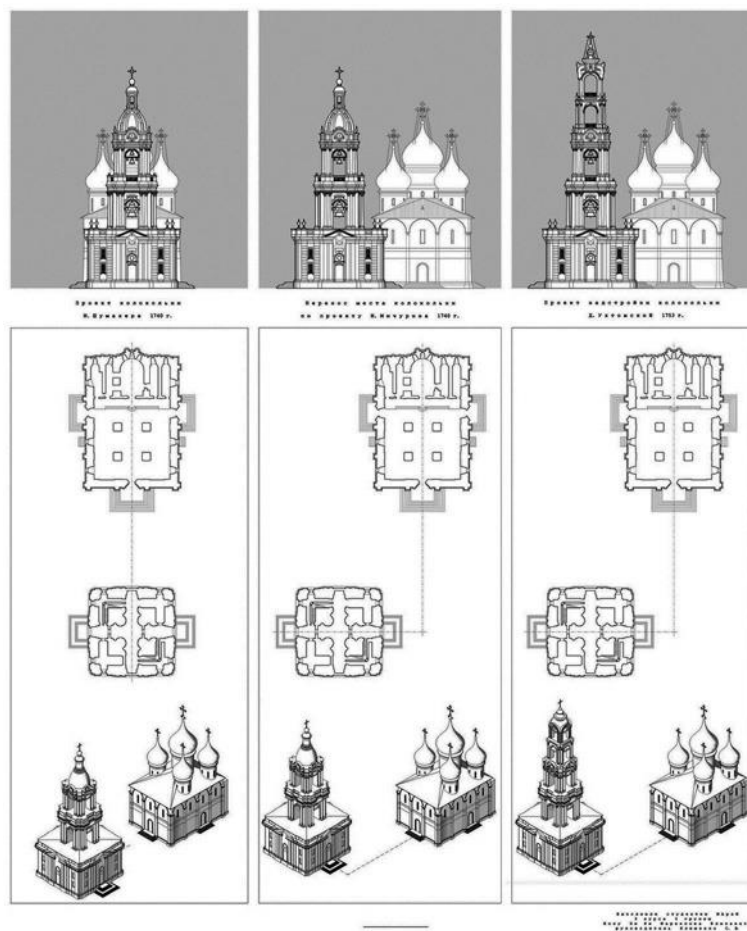

Рис. 3. Реконструкция этапов проектирования колокольни с обозначением изменений местоположения и высоты сооружения

Реконструкция проектного замысла И.Я. Шумахера

В подробно восстанавливаемой по документам строительной истории колокольни, тем не менее, остается без ответа наиболее существенный вопрос – отсутствие первоначального проекта, подлинные чертежи которого до сих пор не обнаружены. Фасад и план первого яруса колокольни, являющиеся, видимо, копиями с первоначального проекта, можно видеть в хранящемся ныне в Сергиево-Посадском историко-художественном музее альбоме [21]. Он включает сорок шесть листов и обычно для краткости его называют «Альбом построек лавры 1745 года» (или просто – «Альбомом 1745 года»). Это самый известный графический источник, на котором многие годы основывалось изучение памятников лавры и соответственно колокольни (рис. 4а,б).

В Альбоме есть надпись, уточняющая, что «Сия книга по имянному ее императорского величества словесному указу дана возвратно в Троицкую Лавру июня 3 дня 1745 года для строения по ней». Из этой фразы следует, что это собрание проектных материалов, направленных в лавру в 1745 году для перестройки существующих и возведения новых построек. В 1790 году на некоторых чертежах появились наклейки, отразившие действительное состояние памятников в это время, о чем гласила соответствующая надпись: «По сей книге какие есть на планах и фасадах наклейки, то сие учинено вновь по точному Лавры положению, в каком она находилася в 1789 г. Платон Митрополит Московский. 1790 года августа 29-го дня»¹¹. Однако атрибуцию этих листов по-прежнему

¹¹ Характеристика этого документа содержится в работе В.П.Зубова, составившего еще в 1940-х годах подробную историческую справку по истории Троице-Сергиевой лавры [12].

нельзя считать установленной. Сложность этого отмечал еще В.И. Балдин, многие годы занимавшийся изучением и реставрацией архитектурных памятников лавры: «альбом чертежей перестройки монастыря еще очень мало изучен – неизвестно, где он изготовлялся, кто его авторы. Вероятнее всего, что весь проект был выполнен петербургскими архитекторами – уж очень много общего в архитектуре зданий с типичными формами своеобразного петербургского зодчества того времени, и слишком много корректив внесли в него московские архитекторы, руководившие производством работ по осуществлению проекта в натуре» [3].

И.Э. Грабарем была выдвинута гипотеза о том, что включенные в Альбом чертежи колокольни были выполнены И.Ф. Мичуриным, который, по мнению исследователя, скорее всего, переработал присланный из Петербурга проект. Свою уверенность И.Э. Грабарь основывал на анализе плана нижнего двухэтажного объема сооружения, по его мнению, рассчитанного на значительно большую его высоту: «внимательное изучение системы фундаментов колокольни указывает на то, что Мичурин с самого начала строительства имел в виду нагрузку более, чем трех ярусов» [8].

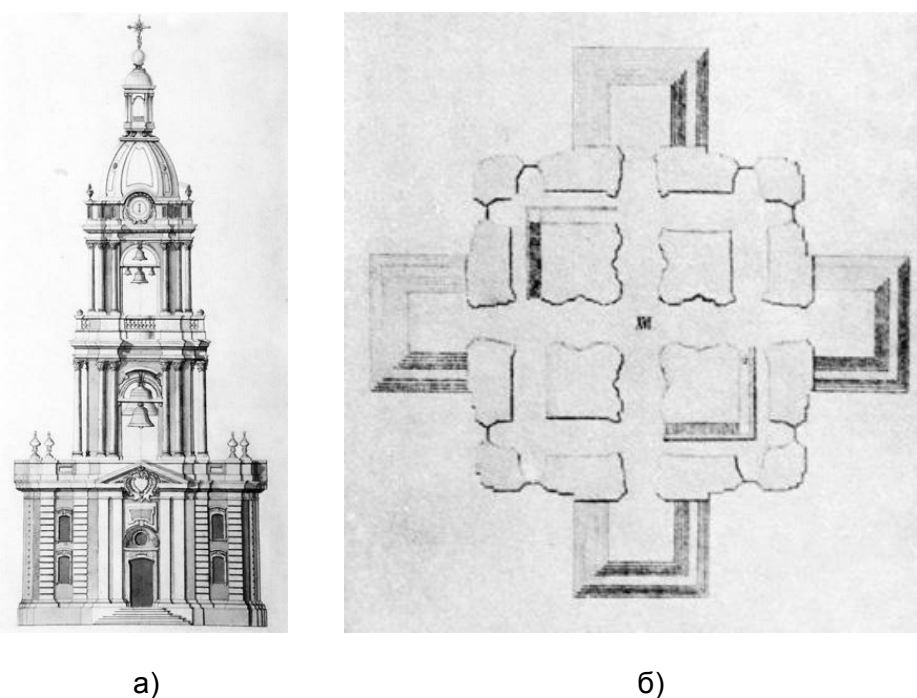

Рис. 4. Чертежи колокольни Троице-Сергиевого монастыря из «Альбома построек лавры» 1745 г. Копия с проекта И.Я. Шумахера: а) фасад; б) план

Предположение И.Э. Грабаря о том, что И.Ф. Мичурин перед началом строительства мог внести изменения в утвержденный императрицей проект, представляется маловероятным. Он, безусловно, должен был следовать ему. Если бы архитектор предложил изменить проект, то это необходимо было утвердить в Петербурге, что, скорее всего, осталось бы зафиксированным в сохранившейся подробной переписке. Данный вопрос проясняет документ, обнаруженный Г.И. Вздорновым: это рапорт И.Ф. Мичурина, в котором он указывает на заготовку им строительных материалов именно для трехъярусной колокольни, обозначая при этом ярусы – нижний, средний и верхний [6]. Несомненно, обнаружение подлинного проекта И. Шумахера позволило бы разрешить проблему атрибуции первоначального замысла сооружения, но и имеющиеся данные дают все же больше аргументов в пользу авторства чертежей из Альбома 1745 года как копии с оригинального проекта Шумахера. Так полагал, в частности, А.И. Михайлов, описывая чертеж фасада: «изучение этого листа <...> не оставляет никаких сомнений в том, что первоначальный чертеж трехъярусной колокольни и представляет проект Шумахера, а наклейкой показана переработка этого проекта Ухтомским» [18].

Еще одним ценным источником, ранее не учитывавшемся при изучении памятника, являются хранящиеся в известной Тессин-Хорлеманской коллекции (так называемой коллекции Ф.-В. Берхгольца¹²) в Стокгольме чертежи колокольни – фасад и план. Эти два листа, выполненные неизвестным автором, могут быть датированы не позднее первой половины 1740-х годов, как и вся коллекция чертежей Берхгольца. Именно последнее обстоятельство позволяет увидеть в этих листах¹³ еще один ранний графический документ, дополняющий материалы Альбома 1745 года, и, видимо, являющийся еще одной копией проекта Шумахера (рис. 5).

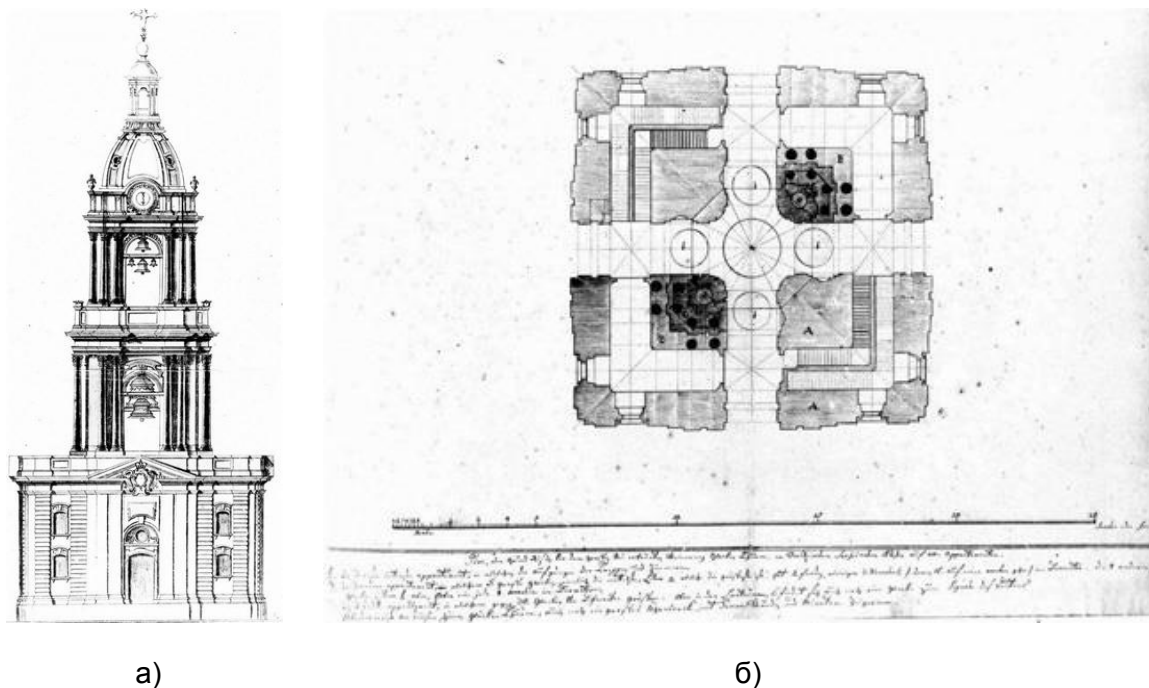

Рис. 5. Чертежи колокольни Троице-Сергиева монастыря. Национальный музей, Стокгольм, Швеция.: а) Фасад; NM THC-9076-19 б) План. ; NM THC-9076-20

Фасад из стокгольмской коллекции во всех основных частях соответствует фасаду из Альбома 1745 года за исключением некоторых деталей. В отличие от него, чертеж плана колокольни содержит ряд ценных дополнительных сведений, отсутствующих на плане из того же Альбома 1745 года. Прежде всего, план из Тессин-Хорлеманской коллекции представляет собой более подробный чертеж, на котором показаны планы всех трех ярусов, совмещенных на одной проекции. Каждый последующий ярус выделен более темным тоном, что позволяет представить себе объем постройки целиком.

¹² Тессин-Хорлеманская коллекция (Tessin Hårleman Collection, Nationalmuseum, Stockholm, Sverige (THC)), содержащая чертежи петербургских, московских и некоторых других зданий первой половины XVIII в., хранится в Стокгольмском национальном музее. Существует сравнительно немного публикаций об этом собрании, при том, что отдельные листы, преимущественно по памятникам Петербурга, публиковались многократно. Чертежи многих московских построек, имеющих в этой коллекции, в большинстве своем малоизвестны или вовсе неизвестны в отечественной науке. Для российской публики эти уникальные материалы были открыты сотрудником стокгольмского музея Бьерном Хальстремом, обнаружившем их в конце 1950-х годов в своем хранении [22]. В 1963 г. в Эрмитаже была проведена масштабная выставка чертежей этой коллекции, к которой Хальстремом предварительно был подготовлен каталог, в редактировании которого принял деятельное участие Ю.М. Денисов. Не состоявшееся тогда издание, тем не менее, послужило для Ю.М. Денисова основой для дальнейших многолетних исследований и подготовки собственного комментированного издания стокгольмских чертежей, до сих пор не увидевшего свет. Анализ изображений многих петербургских зданий из Тессин-Хорлеманской коллекции дан в ряде публикаций, см., например: [20].

¹³ Tessin Hårleman Collection: THC-9076/19 и THC-9076/19.

Изображения плана и фасада колокольни сопровождаются поясняющими надписями. В частности, под планом сопроводительный текст содержит следующее указание: «План или чертеж большой *вновь построенной* [выделено нами – авт.] каменной колокольни в Троице-Сергиевском монастыре и все ее помещения» («*Plan, oder Grund Riss, von der grossen Neu erbaueten Steinernen Glocken Thurm, im Troitzischen Serjeischen Kloster auf alle Appartamenten*»). Из этой записи, как и из дальнейшего описания, можно сделать заключение, что речь идет об уже возведенном сооружении. Это, например, не противоречит мнению Н.Д. Виноградова, полагавшего, что объем колокольни уже был возведен к 1747 г. – времени отъезда Мичурина в Киев (тогда это объясняет подпись под чертежом) [7]. Однако, выявленные Г.И. Вздорновым материалы убедительно доказывают, что в 1749 году был возведен полностью только первый ярус и примерно наполовину – второй, а третий довели до купола лишь в 1753 году. Данное обстоятельство, конечно, оставляет за рамками нашей темы установление точной датировки чертежей (или точнее изображенной на нем информации) из стогольмской коллекции, которая, как полагают, сформировалась не позднее середины 1740-х годов. В этой связи можно лишь предположить, что автор этих листов, в том числе надписей на них, не располагал точными сведениями о ходе строительства и ошибочно указал на уже завершённую постройку. Но и в этом случае ценность этих материалов не снижается. Эти изображения следует рассматривать как дополнительный источник, характеризующий проектный замысел Шумахера.

Облик колокольни по проекту И.Я. Шумахера в контексте немецкой архитектурной традиции

Первоначальный проект трехъярусной колокольни, разработанный в Петербурге И.Я. Шумахером в 1740 году по указу императрицы Анны Иоанновны, всегда рассматривался как композиционная основа будущего сооружения. Однако большое внимание, которое придавалось разработанной Д.В. Ухтомским надстройке, благодаря которой увеличенная высота колокольни придала остроту силуэту всего ансамбля монастыря, затмило то обстоятельство, что стилеобразующей основой ее даже в этом случае являлся именно проект И.Я. Шумахера. При этом весьма примечательно, что архитектурные формы двух верхних ярусов органично дополнили первоначальную композицию, в чем можно видеть вполне естественное следование Д.В. Ухтомского конструктивной логике и стилистике нижних частей сооружения, даже если он стремился создать сооружение большей высоты, чем первоначальная трехъярусная башня.

В качестве аналогии подобной ситуации можно привести осуществленную в 1600 году при Борисе Годунове надстройку двумя ярусами столпа Ивана Великого в Московском Кремле, нижние ярусы которой были возведены итальянским мастером Боном Фрязиным в 1505-1508 годах. Вряд ли у кого-нибудь может возникнуть мысль о том, что увеличившая высоту столпа Ивана Великого надстройка радикально изменила первоначальную композиционную идею сооружения, и поэтому авторство Бона Фрязина как основного создателя должно быть поставлено под сомнение. Тем не менее, в отношении колокольни Троице-Сергиевой лавры, например, А.И. Михайлов отмечал, что влияние первоначального проекта Шумахера было «преодолено и осталось лишь *в виде отзвука первоначального мотива* [выделено нами – авт.]» [8, с.132], хотя он и не отрицал, что «этому проекту [Шумахера – авт.] нельзя отказать в цельности замысла и мастерстве выполнения» [18, с.131] (рис. 6).

Еще более категоричным было мнение И.Э. Грабаря, вовсе ставившего под сомнение авторство Шумахера. Анализируя чертежи колокольни из Альбома 1745 года, он полагал, что «чертеж [фасада – авт.] не имеет и признаков дряблой руки Шумахера, хорошо нам известной по его сохранившимся графическим материалам <...> С другой стороны, чертеж обнаруживает уверенную, твердую руку мастера, очень напоминающую достоверные работы Мичурина <...> Шумахеровского оригинала не сохранилось, почему трудно судить о степени внесенных в него изменений, но что самовластный Мичурин его сильно переработал, в этом едва ли можно сомневаться» [8, с.256-258]. В этой связи

заметим, что достоверные работы И.Ф. Мичурина, особенно реализованные постройки, как показали последующие исследования, весьма немногочисленны, а среди его достоверных произведений нет сооружений, подобных лаврской колокольне [14]. Кроме этого, предположение Грабаря о том, что Мичурин переработал первоначальный проект и задумал изначально сооружение, имевшее более трех первоначальных ярусов, как было отмечено выше, противоречит документу, согласно которому Мичурин вел строительство именно трехъярусной постройки согласно проекту Шумахера.

Рис. 6. Трехмерная цифровая реконструкция проектного замысла колокольни И.Я. Шумахера

Аргументом в пользу авторства Шумахера является указание на тот факт, что монументальное двухэтажное основание в колокольне Троице-Сергиева монастыря, гораздо более широкое по сравнению с верхними ярусами, было применено им в некоторых других проектах. Достаточно отметить сходство композиции колокольни в Троице-Сергиевом монастыре с колокольней Спасо-Преображенского собора в Твери, строившейся по проекту того же И. Шумахера, а также указать, например, на такой памятник как колокольня церкви Параскевы Пятницы на Пятницкой улице в Москве, имеющую подобное соотношение нижнего и верхнего ярусов. Распространенность такого композиционного приема и его использование, как минимум, в двух постройках Шумахера, заставляет обратить на него особое внимание и высказать аргументированное предположение о его происхождении как в творчестве Шумахера, так и в контексте русской архитектуры 1730-1740-х годов.

Картина развития архитектуры послепетровского времени, вершиной которой стало формирование в 1740-1750-х годах стиля барокко, сегодня представляется достаточно ясной. Вместе с тем, несмотря на огромное количество посвященных этому работ, ранний этап, в котором центральное место занимает эпоха правления императрицы Анны Иоанновны, охватывающая 1730-е годы, все еще остается в значительной степени белым пятном в архитектуре XVIII столетия. Обусловленная, в том числе, отсутствием обобщающего исследования плохая изученность этого периода, по существу, до сих пор оставляет невыясненным вопрос генезиса стиля в архитектуре первых двух десятилетий после эпохи Петра Великого. Отсутствие должного внимания к архитектуре 1730-х годов

было определено и идеологическими причинами, сформировавшими уже в XVIII веке: негативное отношение к аннинской эпох в целом.

Архитектура 1730-х годов в рамках формирования барочной традиции в середине столетия не рассматривалась как самостоятельный объект исследования, хотя в работах о барокко в России и не была обойдена вниманием [15]. Важность очень многих событий того времени, невозможность совсем игнорировать их, сегодня заставляют более пристально и беспристрастно изучать этот период русской истории. Но давно ставшая стереотипной, как правило, негативная характеристика правления Анны Иоанновны во многом нивелировала сделанное немцами, в том числе архитекторами, на русской службе. В ряду приехавших в Россию мастеров, оказавшихся проводниками европейской архитектурной традиции в России послепетровского времени, одним из первых должно быть названо имя Иоганна Якоба Шумахера (Johann Jakob Schumacher, 1701-1767).

Творчество И.Я. Шумахера в России и его оценки

Продолжительная архитектурная деятельность в России И.Я. Шумахера на протяжении многих десятилетий, начиная с 1910-х годов, удостаивалась как высоких оценок, так и попросту замалчивалась. А в результате мы до сих пор не имеем более или менее обобщающего исследования его творчества, даже в объеме статьи. Первый опыт его изучения принадлежит И.Э. Грабарю, в дальнейшем эпизодические упоминания его работ встречаются в публикациях по истории московской и петербургской архитектуры 1730-х годов [13]. Он был принят на русскую службу в 1720 году. С 1714 года в России уже работал его брат Иоганн Даниэль Шумахер, ставший библиотекарем петербургской Академии наук. Оба они родились в Кольмаре (французская провинция Эльзас). И.Д. Шумахер окончил Страсбургский университет, а какое образование получил его брат-архитектор, не известно.

Немецкое происхождение Шумахеров, родившихся в пограничной между Францией и Германией провинции, очевидно. Данное обстоятельство, несомненно, дает основания для дальнейших исследований раннего периода жизни архитектора И.Я. Шумахера, прежде всего, его школы, которая, судя по его постройкам в России, формировалась под влиянием немецкой барочной традиции. И.Я. Шумахер в основном работал в Петербурге. Долгие годы он являлся штатным архитектором Академии наук, где выполнил проект расширения академических зданий, участвовал в возведении здания Кунсткамеры (совместно с Г. Маттарнови и Н. Гербелем). По его проекту была построена Сергиевская церковь на Литейной улице. В 1730-х годах его деятельность была связана с Канцелярией артиллерии и фортификации, где под началом фельдмаршала Б.К. фон Миниха он выполнил проекты зданий петербургских Литейного двора и Старого Арсенала, а также был привлечен к достройке Арсенала в Московском Кремле. Кроме этого, он был в числе авторов трактата-кодекса «Должность архитектурной экспедиции» (совместно с П.М. Еропкиным, М.Г. Земцовым, И.К. Коробовым), разрабатывавшегося в Комиссии о Санкт-Петербургском строении во второй половине 1730-х годов ¹⁴.

Насколько противоречив процесс исследования творчества Шумахера, столь же противоположны оценки его произведений. И.Э. Грабарь в дореволюционной «Истории русского искусства», характеризуя, например, построенное по проекту Шумахера здание Литейного двора в Санкт-Петербурге (не сохранилось), отмечал, что «общие линии здания найдены превосходно, отлично распределены главные массы, и все формы хорошо прорисованы» [11, с.64-65]. В пятом же томе «Истории русского искусства», опубликованном в 1960 году, говоря о спроектированной Шумахером колокольне Троице-Сергиевой лавры, исследователь писал о нем как о «второстепенном, малообученном архитекторе». При этом на следующей странице подчеркивал, что «план лаврской

¹⁴ Сначала И.Э. Грабарь, а за ним и другие исследователи делали вывод о невысоких качествах произведений И. Шумахера: см., например [5, с.58]. Нейтральная характеристика творчества И.Я. Шумахера содержится в следующих работах: [4; 16].

колокольни принадлежит к подлинно великим произведениям инженерного искусства» [10, с.160,162]. Такие суждения входят в противоречие с тем обстоятельством, что план колокольни разрабатывался тем же Шумахером. По существу, только в публикациях Грабаря мы и находим оценки творчества архитектора, но отмеченные в них противоречия уже дают достаточно оснований для более пристального внимания к фигуре этого архитектора, произведения которого стали одной из важных составляющих формирования стиля барокко в России.

Замысел колокольни И.Я. Шумахера и немецкая барочная традиция

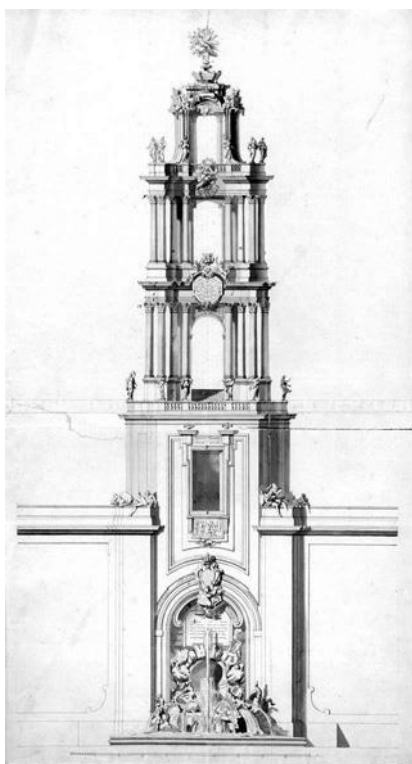
Изменивший первоначальный проект Шумахера архитектор Д.В. Ухтомский, который предложил надстроить колокольню Троице-Сергиевой лавры еще двумя ярусами (1753), в советской историографии рассматривался, чаще всего, как главный создатель этого сооружения, а его предшественник упоминался лишь вскользь. Например, исследователь творчества Д.В. Ухтомского А.И. Михайлов так характеризовал архитектуру колокольни: «созданный им [Ухтомским – авт.] архитектурный образ приобрел такие глубоко национальные черты, так органически продолжил исконную русскую архитектурную традицию, что не может быть и речи о какой-то подражательности или заимствованиях» [18, с.156]. Но при этом и этот автор, и другие исследователи отмечали влияние архитектуры немецкого барокко не только на первоначальный проект Шумахера (что игнорировать даже в годы жестких идеологических установок было невозможно), но и на надстройку, выполненную Ухтомским.

А.И. Михайлов полагал, что окончательный облик колокольни близок к кругу башнеобразных сооружений германских стран первой половины XVIII века [18, с.156]. В данной связи он и некоторые другие авторы высказывали предположение о сходстве ее композиции с обликом водовзводной башни «Munzthurm» (башни Монетного двора) вблизи Королевского дворца в Берлине, в одном из ее вариантов, созданном немецким архитектором и скульптором А. Шлютером в 1706 году¹⁵, а также, например, с колокольней Гарнизонной церкви в Потсдаме (1731-1735) Ф. Герлаха и некоторыми другими памятниками [18, с.132] (рис. 7).

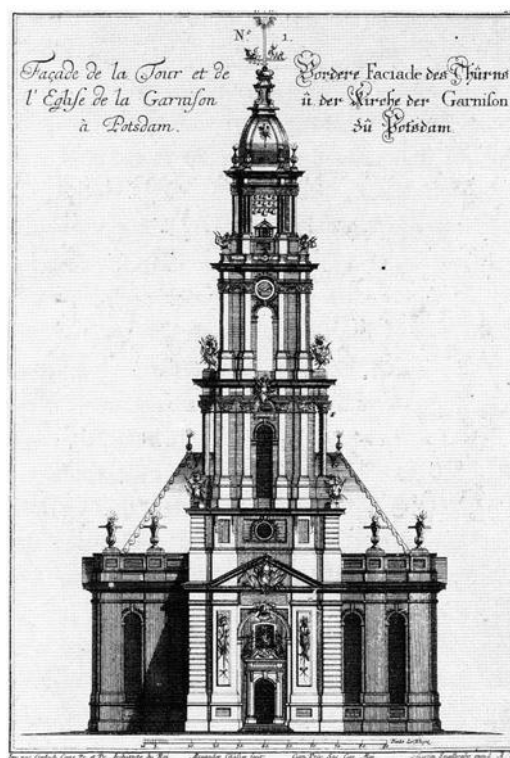
Сходство между этими сооружениями и лаврской колокольней может быть объяснено возможным обращением и Шумахера и Ухтомского к одним и тем же источникам, а именно – к проектам немецких архитекторов и теоретиков конца XVII – начала XVIII в. – Н. Гольдмана, Л. Штурма, П. Деккера, труды которых, в частности, были в библиотеке Д.В. Ухтомского. Такая связь произведений Ухтомского с этими источниками достаточно очевидна, например, в его нереализованном проекте башни Воскресенских ворот Китай-города в Москве, который, как представляется, основан на прямых цитатах из проектов немецких мастеров, например, Л. Штурма.

Однако, уже высказанные ранее версии относительно возможных источников композиции исследуемого нами памятника все же не могут ограничиваться обозначенным кругом построек и проектов. Колокольня Троице-Сергиева монастыря должна быть соотнесена не просто с типом высотных сооружений, получившим распространение в немецкой архитектуре второй половины XVII – первой половины XVIII века, которая, при всем кажущемся единстве в этот период, не представляла однородной картины даже в рамках формирования стиля в этот период. В данном случае приходится говорить о различиях архитектуры барокко северной и южной территорий, объединявших отдельные княжества. В связи с этим никогда не предпринималось попыток связать особенности замысла И.Я. Шумахера с кругом барочных сооружений, с которыми он мог быть знаком еще до приезда в Россию.

¹⁵ Разработанный А. Шлютером проект башни Монетного двора в Берлине в русскоязычном издании был опубликован И.Э. Грабарем еще в начале XX в. в «Истории русского искусства». Ученым было отмечено влияние этого произведения на петербургское строительство петровского времени [9, с.175].

а)

б)

Рис. 7. а) Водовзводная башня Монетного двора («Munzthurm») в Берлине. Проект А. Шлютера. 1706.; б) Гарнизонная церковь (Garnisonkirche) в Потсдаме. 1733-1735 (проект 1730 г.). Осуществленный вариант. Ф. Герлах

Последовательный характер привнесения Шумахером форм немецкого барокко, помимо колокольни Троице-Сергиева монастыря, может быть прослежен, о чем уже говорилось выше, по таким его работам, как колокольни Спасо-Преображенского собора в Твери и церкви Параскевы Пятницы на Пятницкой улице в Москве (предполагаемая постройка Шумахера, но очень близкая по композиции к тверской колокольне), а также церковь Сергия на Литейной улице в Петербурге (все памятники не сохранились). Оставляя за рамками данной работы практически не известный нам сегодня ранний период жизни Шумахера до приезда в Россию, представляется необходимым обратить внимание на еще один довольно многочисленный корпус построек в немецкой архитектуре второй половины XVII – первой трети XVIII века, помимо указывавшихся ранее, которые также могут рассматриваться как возможный источник композиции колокольни Троице-Сергиевой лавры.

Неоднократно отмеченная специфическая особенность колокольни в подмосковной лавре – контрастное сочетание подчеркнуто монументального нижнего объема и менее массивных верхних ярусов – находит множество прямых аналогий в архитектуре протестантских церквей северной Германии – в Пруссии и Саксонии, а точнее в композиции колоколен, составлявших чаще всего наиболее выразительную, даже доминирующую часть этих церквей. Типологически близкие примеры обнаруживаются, прежде всего, в столице Пруссии – Берлине, в расположенном рядом Потсдаме, а также в саксонских городах Дрездене и Гамбурге. Гарнизонная церковь в Потсдаме (Ф. Герлах) уже указывалась в качестве возможного прототипа лаврской колокольни, но более широкий пласт подобных сооружений был возведен все же в столичном Берлине.

В церковном строительстве северной Германии в рамках доминирования протестантизма сформировался определенный тип церковного здания, на сложение форм которого

повлияли, в том числе, идеи таких теоретиков архитектуры как Л. Штурм и Н. Гольдман. Эти поиски отражали, например, разработанные Л. Штурмом многочисленные проекты протестантских церквей (опубликованы в 1712 г. в специальном издании) [24]. Планы церквей, выполненные с большой долей изобретательности – квадратные, круглые, треугольные – отличались от распространенных католических, в частности, базиликальных.

Архитектура протестантских храмов отражала особенности этой веры, заключавшиеся в особом внимании к организации внутреннего пространства и сдержанном, даже аскетичном решении фасадов зданий. Возникшая в 1710-х годах традиция строительства на месте входа в храм весьма выразительных, подчеркнута вертикальных объемов колоколен, создала новый образ протестантского храма в Северной Германии. Главную роль в формировании такой традиции сыграл глубоко религиозный прусский король Фридрих Вильгельм I, захваченный идеей украшения церкви высокими башнями-колокольнями. Такое стремление монарха было навеяно увиденными им в Голландии высокими многоярусными колокольнями, композиция которых стала прообразом для берлинских и других церквей. Однако, такое внимание прусского монарха к голландским образцам, в свою очередь, тоже возникло не на пустой почве; формирование протестантского церковного здания в северной Германии в период барокко было подготовлено процессами, начавшимися еще в XVII веке под влиянием западного протестантизма, исходившего из Франции и Голландии. Основным носителем новых церковных решений становятся эмигрировавшие из этих стран в Германию протестанты. Уже в 1622 году восьмиугольная реформатская церковь была построена ссыльными голландцами в Ханану [23].

После 1713 года (год вступления Фридриха Вильгельма I на престол) одна за другой на протяжении примерно двух десятилетий возводится ряд колоколен в Берлине, Потсдаме и других городах. Их создание происходило на фоне развернувшегося обширного дворцового строительства; многочисленные дворцы представляли собой постройки, в которых во многом выкристаллизовывались формы барокко, получившего на этой территории свои специфические черты. Возводившиеся колокольни, контрастировавшие своим выразительным барочным обликом с лаконичным основным объемом церквей, имели достаточно близкий тип композиции, в массах напоминая голландские колокольни. В то же время в композиции многих немецких колоколен, в отличие от их голландских прототипов, при сохранении подчеркнута вертикальной, устремленной вверх структуры верхних ярусов, нижний объем представлял собой основание, имеющее подчеркнута большую ширину. Такая специфическая черта встречается во многих постройках, тип которых, возможно, послужил прообразом колокольни Троице-Сергиева монастыря (рис. 8).

Несомненно, связывая формирование и распространение подобной композиции колоколен (имея ввиду, прежде всего, их подчеркнута вертикальный характер) с идеями прусского короля Фридриха Вильгельма I, генезис происхождения такой композиции должен быть соотнесен с этапом, предшествующим его правлению, а точнее – с самым началом XVIII столетия и конкретно с деятельностью выдающегося берлинского архитектора А. Шлютера, строителя королевского дворца. В двух его проектах, созданных между 1703 и 1706 годом, идея контрастного сочетания нижнего объема и верхних ярусов получила достаточно четкое выражение. Один из них – это обычно называемая в качестве прототипа лаврской колокольни башня берлинского Монетного двора, нами также упоминавшаяся выше (1705-1706)¹⁶. Однако, указывая на эту постройку, за рамками внимания исследователей остается другая работа архитектора – проект новой колокольни Приходской церкви (Parochialkirche) в Берлине (1703-1704), в которой уже отражен поиск выразительной композиции, получившей в дальнейшем распространение

¹⁶ К окончательной композиции башни архитектор тоже пришел не сразу. Сохранился еще более ранний вариант 1702 г., в котором перед нами предстает более скромное по замыслу сооружение, в котором нижний и верхние ярусы имеют одинаковую ширину.

(кроме А. Шлютера проекты колоколен для этой церкви разрабатывали и другие архитекторы). По существу, именно этот нереализованный проект и открывает рассматриваемую нами линию в архитектуре протестантских церквей Пруссии. И, что существенно для нашей темы – именно для этой церкви по указу Фридриха Вильгельма I в 1713-1714 годах реализуется проект новой колокольни, созданный архитектором Филиппом Герлахом. В ее облике воплотился тип многоярусной постройки, примененный в последующие десятилетия при сооружении ряда других колоколен. Это была не единственная работа Герлаха. В середине 1720-х он проектирует Иерусалимскую церковь (Jerusalemkirche) для Берлина, а в 1730 году разрабатывает проект Гарнизонной церкви (Garnisonkirche) в Потсдаме – одного из самых известных произведений прусского барокко.

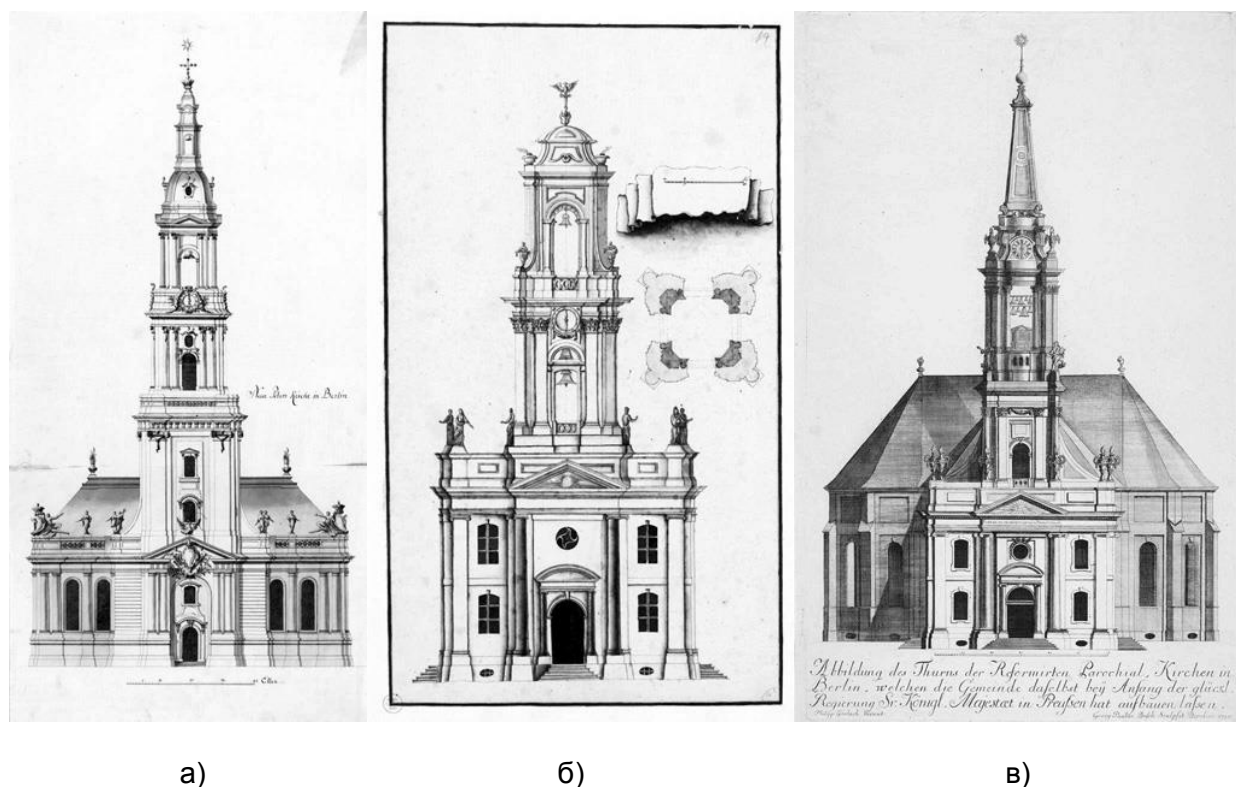

Рис. 8. а) Приходская церковь в Берлине (Parochialkirche). Вариант проекта колокольни. А. Шлютер. 1705-1706. Чертеж начала XVIII в.; б) Приходская церковь (Parochialkirche) в Берлине. 1713-1714. Ф. Герлах. Осуществленный вариант. Чертеж 1715 г.; в) Церковь св. Петра (Petrikerche) в Берлине. Фасад. Проектный чертеж. 1730 г. И.Ф. Грель

Подобный тип колокольни оказался популярен в северонемецкой архитектуре 1730-х годов и нашел отражение в творчестве других мастеров барокко, среди которых можно назвать, например, Иоганна Фридриха Греля, создателя берлинской церкви св. Софии (Sophienkirche) и, по-видимому, автора первоначального проекта церкви св. Петра (Petrikerche) в том же Берлине. Архитектура колоколен обеих церквей во многом продолжает линию, намеченную работами Ф. Герлаха. Перечень близких к ним по архитектуре памятников может быть продолжен. И кроме Берлина и Потсдама, такие постройки обнаруживаются, например, в саксонских городах Дрездене и Гамбурге.

Рассмотренная типологическая группа колоколен расширяет круг сооружений, которые можно рассматривать как еще один вероятный источник композиции колокольни Троице-Сергиевой лавры по первоначальному проекту И.Я. Шумахера. Изучение творческой биографии этого архитектора, возможно, позволит подтвердить высказанные предположения, которые, по крайней мере, намечают направление дальнейших исследований. Однако и сейчас уже очевидно, что через историю создания лаврской

колокольни раскрывается один из механизмов формирования стиля барокко в России в середине XVIII столетия, связанный с немецкой архитектурной традицией.

Источники иллюстраций

Рис. 1. Фото автора 2010-е гг.

Рис. 2. Чертеж опубликован: [18, с.129].

Рис. 3. Чертеж студентов МАРХИ Боку Э. и Маренковой Е. (руководитель Клименко С.В.). 2012 г.

Рис. 4. Чертежи опубликованы: [18, с.128, 130].

Рис. 5. Тессин-Хорлеманская коллекция: Nationalmuseum, Stockholm Tessin Hårleman Collection: THS-9076/19 и THS-9076/19.

Рис. 6. Чертеж студентки МАРХИ Старовойтовой Е. (руководитель Клименко С.В.) 2017 г.

Рис. 7: а) <http://www.deutschefotothek.de/documents/obj/70300007>

б) <https://de.wikipedia.org/wiki/Datei:Turmansicht.jpg#/media/File:Turmansicht.jpg>

Рис. 8.: а) http://www.deutschefotothek.de/documents/obj/70300007/df_dz_0000049

б) http://www.deutschefotothek.de/documents/obj/70300007/df_dz_0000037

в) <http://digiilib.hab.de/varia/haum/g-p-busch-ab3-0014/max/000001.jpg>

Литература

1. Балдин В.И. Загорск. – М., 1984.
2. Балдин В.И. Архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой лавры. – М., 1976.
3. Балдин В.И. Троице-Сергиева лавра. – М., 1968.
4. Биографический словарь архитекторов и строителей Санкт-Петербурга. Иоганн Якоб Шумахер // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. – М., 1997. – С.999.
5. Борисова Е.А. О ранних проектах зданий академии наук // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. – М., 1973. – С.56-65.
6. Вздорнов Г.И. Строительство колокольни Троице-Сергиевой лавры (в свете новых данных) // Архитектурное наследство. Вып.14. – М., 1962. – С.125–134.
7. Виноградов Н.Д. Троице-Сергиева лавра. – М., 1944.
8. Грабарь И.Э. И.Ф.Мичурин и московская архитектура 30–40-х годов XVIII века // Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы. – М., 1954. – С.254 – 260.
9. Грабарь И.Э. История русского искусства. Т.3. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. – М., [1912].
10. Грабарь И.Э. Московская архитектура 30–40-х годов XVIII века // История русского искусства. Т.V. – М., 1960. – С.159–164.
11. Грабарь И.Э. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. – СПб., 1994.
12. Зубов В.П. Архитектура Троице-Сергиевой Лавры. Исторический очерк // Троицкий сборник. – №2. Сергиев Посад, 2002.
13. Кириков Б.М., Штиглиц М.С. Петербург немецких архитекторов: от барокко до авангарда. – СПб.: Чистый лист, 2002.

14. Клименко С.В. Архитектурная деятельность И.Ф. Мичурина. 1720-1740-е годы: дисс. на соиск. ученой степени канд. архитектуры. – М., 2002.
15. Клименко С.В. Генезис стиля русской архитектуры 1730-х годов в оценках отечественной историографии XX — начала XXI века // «Мощно, велико ты было столетье!»: сборник научных статей, посвященных юбилею Т.В.Ильиной / Под ред. Станюкович-Денисовой Е.Ю., Мальцевой С.В. – СПб., 2014. (Труды исторического факультета С-Петербур. гос. ун-та. Т. 20.). – С.101-119.
16. Малиновский К.В. Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII веке. – СПб., 2007. – С.129-133.
17. Медведкова О.А. Колокольня Троице-Сергиевой лавры // Барокко в России / Государственный институт искусствознания. – М., 1994. – С.147-156.
18. Михайлов А.И. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. – М., 1954.
19. Михайлов А.И. К истории проектирования и строительства колокольни Троице-Сергиевой лавры // Архитектурное наследие. Вып.1. – М., 1951. – С.67–77.
20. Станюкович-Денисова Е.Ю. Деятельность Ф.-В. Бергхольца в Германии: к изучению путей формирования коллекций архитектурных чертежей в XVIII в. // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 2 / Под ред. А.В. Захаровой. – СПб.: НП-Принт, 2012. – С. 355–358.
21. Холодкова Н.В. Архитектурный альбом Троице-Сергиевой лавры 1745—1789 гг. // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сборник материалов V международной конференции. – М., 2009. – С.313-328.
22. Hallström B.H. Russian Architectural Drawings in the Nationalmuseum // Nationalmusei skrift serie 9. – Stockholm: Victor Pettersons Bokindustri AB, 1963. – 143 s.
23. Schmitz H. Kunst und Kultur des 18. Jahrhunderts in Deutschland. – München, 1922. – S. 113-117.
24. Sturm L.C. Architektonisches Bedencken von der Protestantischen kleinen Kirchen Figur und Einrichtung. – Hamburg, 1712.

References

1. Baldin V.I. Zagorsk. Moscow, 1984.
2. Baldin V.I. *Arhitekturnyj ansambl' Troice-Sergievoj lavry* [The architectural ensemble of the Trinity Sergius Lavra]. Moscow, 1976.
3. Baldin V.I. *Troice-Sergieva lavra* [Trinity Sergius Lavra]. Moscow, 1968.
4. *Biograficheskiy slovar' arhitektorov i stroitelej Sankt-Peterburga. Iogann Jakob Shumaher* [Biographical dictionary of architects and builders of St. Petersburg. Johann Jakob Schumacher. Zodchie Sankt-Peterburga. XVIII vek]. Moscow, 1997, 999 p.
5. Borisova E.A. *O rannih proektah zdanij akademii nauk* [Early projects of the buildings of the Academy of Sciences. Russkoe iskusstvo XVIII veka. Materialy i issledovanija]. Moscow, 1973, pp.56-65.
6. Vzdornov G.I. *Stroitel'stvo kolokol'ni Troice-Sergievoj lavry (v svete novyh dannyh)* [The

construction of the bell tower of the Trinity-Sergius Lavra (in the light of new data). Magazine *Arhitekturnoe nasledstvo*. Moscow, Issue 14, 1962, pp. 125–134.

7. Vinogradov N.D. *Troice-Sergieva lavra* [Trinity Sergius Lavra]. Moscow, 1944.
8. Grabar' I.Je. I.F. *Michurin i moskovskaja arhitektura 30 – 40-h godov XVIII veka* [I.F. Michurin and Moscow architecture of the 30 – 40s of the 18th century. Russkaja arhitektura pervoj poloviny XVIII veka. Issledovanija i materialy]. Moscow, 1954, pp. 254 – 260.
9. Grabar' I.Je. *Istorija russskogo iskusstva* [The history of Russian art. Vol. 3. Petersburg architecture in the XVIII and XIX century]. Moscow, [1912].
10. Grabar' I.Je. *Moskovskaja arhitektura 30–40-h godov XVIII veka* [Moscow architecture of the 30-40s of the 18th century History of Russian art. Vol. V]. Moscow, 1960, pp. 159–164.
11. Grabar' I.Je. *Peterburgskaja arhitektura v XVIII i XIX vekah* [Architecture of Petersburg in 18th and 19th centuries]. St. Petersburg, 1994.
12. Zubov V.P. *Arhitektura Troice-Sergievoj Lavry. Istoricheskij ocherk* [The Architecture of the Trinity-Sergius Lavra. Historical sketch. Troickij sbornik.]. Sergiev Posad, 2002, no. 2.
13. Kirikov B.M., Shtiglic M.S. *Peterburg nemeckih arhitektorov: ot barokko do avangarda* [Petersburg German architects: from the Baroque to Avant-garde]. St. Petersburg, 2002.
14. Klimenko S.V. *Arhitekturnaja dejatel'nost' I.F.Michurina. 1720-1740-e gody* [Architectural activities I. F. Michurin. 1720s-1740s. Diss. na soisk. uchenoj stepeni kand. arhitektury]. Moscow, 2002.
15. Klimenko S.V. *Genezis stilja russskoj arhitektury 1730-h godov v ocenkah otechestvennoj istoriografii XX — nachala XXI veka* [The Genesis of the style of Russian architecture 1730-ies in assessments of the Russian historiography of XXth — beginning of XXIth century]. St. Petersburg, 2014, pp. 101-119.
16. Malinovskij K.V. *Hudozhestvennye svjazi Germanii i Sankt-Peterburga v XVIII veke* [Artistic relations of Germany and St. Petersburg in the XVIIIth century]. St. Petersburg, 2007.
17. Medvedkova O.A. *Kolokol'nja Troice-Sergievoj lavry* [Belfry of the Trinity Sergius Lavra. Baroque in Russia. State Institute of Art Studies]. Moscow, 1994, pp. 147-156.
18. Mihajlov A.I. *Arhitektor D. V. Uhtomskij i ego shkola* [Architect D. V. Ukhtomsky and his school]. Moscow, 1954.
19. Mihajlov A.I. *K istorii proektirovanija i stroitel'stva kolokol'ni Troice-Sergievoj lavry* [The history of the design and construction of the bell tower of the Trinity-Sergius Lavra. Magazine *Arhitekturnoe nasledstvo*]. Moscow, 1951, Issue1, pp. 67–77.
20. Stanjukovich-Denisova E.Yu. *Dejatel'nost' F.-V. Berghol'ca v Germanii: k izucheniju putej formirovanija kolekcij arhitekturnyh chertezhej v 18 veke* [The activities of F.-W. von Bergholtz in Germany: the ways of making the collections of architectural drawings in the 18th c. Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles. Eds: Anna V. Zakharova.]. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2012, vol. 2, pp. 355–358.
21. Holodkova N.V. *Arhitekturnyj al'bom Troice-Sergievoj lavry 1745—1789 gg.* [An architectural album, the Trinity-Sergius Lavra 1745-1789. Troice-Sergieva Lavra v istorii, kul'ture i duhovnoj zhizni Rossii. Sbornik materialov V mezhdunarodnoj konferencii]. Moscow, 2009, pp. 313-328.

22. Hallström B.H. Russian Architectural Drawings in the Nationalmuseum. Nationalmusei skrift serie 9. Stockholm, Victor Pettersons Bokindustri AB, 1963, 143 p.
23. Schmitz H. Kunst und Kultur des 18. Jahrhunderts in Deutschland. München, 1922, pp. 113-117.
24. Sturm Leonhard Christoph. Architektonisches Bedencken von der Protestantischen kleinen Kirchen Figur und Einrichtung, Hamburg, 1712.

ОБ АВТОРАХ

Клименко Сергей Васильевич

Кандидат архитектуры, профессор, кафедра Истории архитектуры и градостроительства, Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
e-mail: sklimenko-marhi@yandex.ru

Станюкович-Денисова Екатерина Юрьевна

Старший преподаватель, кафедра История русского искусства, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: e.stanyukovich-denisova@spbu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Klimenko Sergey

PhD in Architecture, Professor, Architecture and Urban History Department, Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia
e-mail: sklimenko-marhi@yandex.ru

Stanyukovich-Denisova Ekaterina

Assistant Professor, Russian Art History Department, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
e-mail: e.stanyukovich-denisova@spbu.ru